

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ КРИТИКИ МЕДИАРЕЧИ

УДК 81'42

Аргументативная речь в массмедийном интерактивном общении*

Ю. С. Волкова, В. А. Мишланов, В. А. Салимовский

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Российская Федерация, 614068, Пермь, ул. Букирева, 15

Для цитирования: Волкова, Ю. С., Мишланов, В. А., Салимовский, В. А. (2019). Аргументативная речь в массмедийном интерактивном общении. *Медиалингвистика*, 6(2), 164–179.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.202>

Рассматриваются особенности аргументативной речи в телевизионных политических шоу, ставших одним из наиболее важных средств формирования общественного мнения, а также в социальных медиа, роль которых в системе средств массовой коммуникации продолжает возрастать. Проведен обзор лингвистических исследований рассуждения, являющегося одним из основных функционально-смысловых типов речи. Показано, что его широкая трактовка как аргументативной речи, призванной убедить адресата в чем-либо, предполагает анализ речевых структур не только в логико-грамматическом, но и в функциональном и коммуникативном аспектах. Рассмотрена основная проблематика изучения речевого взаимодействия в работах по лингвистике и неориторике (теории аргументации). Подчеркнут фундаментальный характер категории речевой системности — взаимосвязи равноуровневых языковых единиц в тексте на основе выполнения ими единого коммуникативного задания, позволяющей описывать вариативность речи в зависимости от меняющихся коммуникативных целеустановок и других параметров речевой ситуации. Отмечается, что отдельный выпуск политического ток-шоу представляет собой сверхтекст, являющийся специфическим рассуждением. Его основная мысль (тезис) формулируется ведущим в кратком вступительном слове и повторяется в качестве итога обсуждения (вывода) в заключительной части эфира, тогда как выступления гостей — журналистов и политологов — представляют собой двустороннюю аргументацию («за» и «против»). Изучены регулярно встречающиеся

* Работа выполнена при поддержке РФФИ (грант № 18-00-00233 комфи «Методы комплексного интеллектуального анализа информации различных типов для социогуманитарных исследований в социальных медиа»).

в этих телепередачах речевые единицы — формы диалогичности, способы обоснования утверждения, а также собственно языковые средства, используемые выступающим в ходе анализа политической ситуации. Описан комплекс вербальных и невербальных средств выделения значимых в смысловом отношении компонентов текста. Показано, что в то время как участники политических ток-шоу обязательно аргументируют свою точку зрения, пользователи Интернета чаще всего ограничиваются эмоциональными высказываниями, демонстрирующими их отношение к обсуждаемым событиям. Сокращение аргументативных практик в сетевом общении, по мнению авторов, обусловлено тем, что, в отличие от политических ток-шоу, воплощающих и формирующих основные тенденции в общественном мнении, в социальных медиа выражаются преимущественно ситуативные групповые настроения, опирающиеся главным образом на эмоциональное отношение к тем или иным конкретным событиям.

Ключевые слова: массмедийная коммуникация, речевая системность, аргументативная речь, рассуждение, социальные медиа.

1. Постановка вопроса. Сложившиеся к настоящему времени знания о публицистическом тексте получены главным образом при изучении газетной речи. Неслучайно в лингвистических работах утвердился термин «газетно-публицистическая речь», который охватывает лишь часть пространства массмедиа, хотя и являющаяся на протяжении большей части XX в. основной. Между тем уже в последние его десятилетия стала заметно возрастать роль телевидения, радио, Интернета (в том числе прессы в цифровом формате). Одновременно в телеещании повысилась значимость аналитических программ, содержащих интерпретацию текущих политических событий. Особенно популярными и влиятельными стали передачи, участники которых обосновывают свою позицию в споре. Широкое распространение в таких программах, транслируемых обычно в прайм-тайм, получили аргументативные речевые практики. Весьма характерны они и для радио, а также для прессы, особенно в жанре интервью [Трошева 1999]. Сказанное свидетельствует о важности исследования аргументативной речи в современном массмедийном общении.

В лингвистике аргументативные речевые структуры традиционно изучаются при рассмотрении рассуждения как одного из основных функционально-смысловых типов речи. В узком значении термина рассуждение — это речевое выражение силлогизма — логической формы и действия, в результате которого из двух истинных исходных суждений получается истинный вывод. Другими словами, это речевое воплощение логического постижения идеи. В широком значении рассуждение определяется как изложение ряда логически связанных мыслей для обоснования какого-либо понятия или положения, выяснения причин рассматриваемого явления, доказательства или опровержения какого-либо утверждения [Купина, Матвеева 2013]. Иначе говоря, рассуждение понимается в этом случае как аргументативная речь, призванная убедить адресата в чем-либо и представленная рядом разновидностей — не только собственно рассуждением (воплощением силлогизма), но и доказательством, опровержением, обоснованием, подтверждением, объяснением [Трошева 1999].

Уже априори можно с известной долей уверенности утверждать, что тип речи, обобщенно называемый рассуждением, в разных дискурсах — политическом, научном, художественном и других — характеризуется специфическим набором язы-

ковых и речевых (риторических) признаков. Полагаем, что выявление и описание этих признаков остаются актуальной задачей современного речеведения, заключающей в себе немалый теоретический потенциал и возможности прикладного характера.

Целью настоящей статьи является изучение особенностей аргументативной речи в медийном дискурсе. Нас будет интересовать системность массмедийной интерактивной речи в ее детерминированности политической деятельностью, осуществляемой участниками телевизионных шоу и пользователями Интернета при обсуждении важных событий общественно-политической жизни.

Используемый нами метод состоит в интерпретации смысла отдельных высказываний с учетом их связей с другими компонентами сверткста и особенностей ситуации общения (метод контекстуального и дискурсивного анализа) с дальнейшей реконструкцией воплощенных в этих высказываниях коммуникативных целеустановок и описанием языковых средств реализации последних.

Материалом для работы послужили телевизионные передачи «Время покажет» («Первый канал»), «60 минут» («Россия 1»), «Право голоса» («ТВ Центр»), посты и комментарии в блогах и социальных сетях, на сайте YouTube (А. Венедиктов, URL: <https://echo.msk.ru/blog/aav/2220844-echo/>; Д. Куликов, Facebook, URL: <https://www.facebook.com/dkulikov3>; М. Симоньян, Livejournal, URL: <https://m-simonyan.livejournal.com/>) за июнь-декабрь 2018 г.

Таким образом, аргументативная речь рассматривается нами не столько с логико-грамматических позиций, сколько с точки зрения влияния на ее организацию факторов сферы и ситуации общения. Необходимо поэтому обратиться к тем исследовательским направлениям, в которых речь анализируется в единстве с экстралингвистическими явлениями.

2. Стилистический и прагматический аспекты изучения аргументативной речи. Анализ аргументативной речи имеет в нашей науке давние традиции, восходящие к трудам М. В. Ломоносова, Н. Ф. Кошанского, И. С. Рижского и др. В современной лингвистике рассуждение изучается прежде всего с логико-грамматических позиций. Вслед за О. А. Нечаевой в качестве основания типологизации речи многие исследователи стали рассматривать «мыслительные процессы установления логических связей между суждениями» [Нечаева 1974: 249], полагая, что в каждом из основных типов речи воплощается определенная «логема». Так, повествованию соответствует логема с развивающимися действиями, описанию — логема с одновременными признаками, а рассуждение с этих позиций предстает как тип речи, которому соответствует причинно-следственная логема.

С позиций стилистики целого текста подходит к изучению типов речи В. В. Одинцов. Они трактуются им как речевые структуры, заключающие в себе логические единства. К числу таких единств, имеющих строгую устойчивую форму, автор относит определение, умозаключение, характеристику и сообщение. Трансформациями этих речевых единиц, вызванными дополнительными задачами, выступают соответственно объяснение, рассуждение, описание и повествование. Таким образом, рассуждение предстает как структурно усложненная модификация умозаключения, определяемая дополнительными коммуникативными заданиями (простоты, доступности, интереса и др.) [Одинцов 2004]. Заметим, что данная концепция, в отличие от функционально-стилистического подхода к тексту, не пред-

полагает анализа комплекса экстралингвистических факторов, обуславливающих организацию речи.

Подчеркнем, что функционально-смысловые типы речи традиционно понимаются как структурно оформленные образцы (модели), сложившиеся для выражения на сверхфразовом уровне темпорально-таксисных и каузальных отношений между описываемыми явлениями [Одинцов 2004: 193]. В фокусе внимания исследователей — способы и средства связи предложений в тексте: лексические повторы, анафорические местоимения, соотношение видо-временных форм глаголов-сказуемых, употребление причастных форм и др. [Гиндин 1977; Солганик 1991]. Неудивительно поэтому, что изучение функционально-смысловых типов речи, выделенных на логико-грамматическом основании, стало дополняться с позиций господствующих в нашем речеведении направлений.

Нужно отметить, что проблематика дифференциации речи изначально формировалась как преимущественно стилистическая [Виноградов 1963; Гавранек 1967]. Способы изложения учитывались при анализе как художественной манеры писателя, так и речевых стилей, сложившихся в различных областях коммуникации. По мере развития лингвистистики в круг рассматриваемых вопросов включалось изучение представленности типов речи во всех основных сферах социальной языковой практики и их модификаций, обусловленных задачами общения [Цветкова 1983; Кожина, Кыркунова 1988; Исмаилова 1990; Трошева 1999; Коньков, Неупокоева 2011 и др.]. Как показано в исследованиях Т.Б. Трошевой, рассуждение является типологически релевантным признаком не только научного произведения, воплощающего процесс доказательства гипотезы и превращения ее в достоверное знание, но и текста газеты, где аргументативные процедуры «обеспечивают осуществление основной коммуникативной функции публицистики — убеждающего воздействия» [Трошева 1999: 174]. Однако в публицистическом тексте рассуждение обычно экспрессивно и ярко оценочно (это относится и к аналитическим статьям, в какой-то мере сближающимся с научным изложением): оно привлекает внимание читателя и убеждает его в справедливости тех или иных суждений всем комплексом языковых средств. При этом представленная в газетной статье аргументация, как правило, является одновременно фактологической и ценностной [Трошева 1999; 2006]. Эти черты рассуждения, как мы покажем, присущи как газетной речи, так и общественно-политическим текстам телевидения.

Рассуждение стало объектом целенаправленного изучения и в активно развивающейся в последние десятилетия теории аргументации, или неориторике. В фокусе внимания исследователей — способы обоснования и опровержения убеждений, зависимость этих способов от аудитории и предмета обсуждения, специфика обоснования в разных сферах мышления и деятельности [Ивин 1997; Eemeren, Grootendorst 2004; Wohlrapp 2008 и др.]. В лингвистически ориентированных работах рассматриваются прагматические и когнитивные аспекты аргументативной речи [Hirsch 1989; Goldberg 1990; Pluwak 2011 и др.].

В отечественной лингвистике это направление характеризуется тем, что в нем в качестве центрального понятия признается коммуникативно адекватный текст определенного функционального стиля и жанра, а одной из главных задач — изучение речевой системы в ее обусловленности сферой деятельности и важней-

шими компонентами коммуникативно-речевого акта — интенцией, адресованностью, условиями общения [Купина, Матвеева 1993].

Речевая (дискурсивная) системность становится одним из базовых понятий языковедческих направлений функционально-коммуникативного цикла [Кожина 1968; 2014; Сидоров 1987; Schiffrin 1994]. М. Н. Кожина определяет эту категорию как взаимосвязь разноуровневых языковых средств на текстовой плоскости, основанную на выполнении единой коммуникативной цели [Кожина 2014].

Разумеется, системность речи создается в процессе функционирования языкового механизма, или, более конкретно, в процессах текстопорождения, где язык (*langue*) предстает как «система возможностей, координат, которые указывают открытые и закрытые пути в речи» [Косериу 1963: 174]. В соответствии с этими возможностями под действием экстралингвистических факторов и складывается в итоге та или иная речевая организация.

Обосновывая мысль о функционально целесообразном устройстве языка, Г. А. Золотова указывает на те особенности речевой системности, которые задаются самой языковой системой. Различные языковые характеристики коммуникативных типов речи — определенные модели предложений, категориальные значения ремы, видо-временные формы глаголов и другое — реализуются «не поодиночке, а взаимодействуя друг с другом» [Золотова 2007: 348]. Несомненно, свои языковые особенности обнаруживают и типы речи, выражающие логические связи между понятиями и явлениями.

Нужно, однако, учитывать, что системность речи создается не столько реализацией системы языка, в том числе сверхфразовых грамматических моделей, сколько той «чрезвычайной прибавкой» [Головин 1988; Кожина 1968; Солнцев 1971 и др.], которая обусловлена экстралингвистическими явлениями, прежде всего деятельностью сознания. Поясняя эту мысль, Б. Н. Головин отмечал: «Механизм языка сам по себе не имеет инерции речевого движения. Языковой механизм побуждается к речевому функционированию и реально функционирует в речи только благодаря деятельности сознания... Естественно, изменения типов работы сознания... меняют его воздействие на речевые структуры, в результате изменяются и типы таких структур» [Березин, Головин 1979: 73–74]. По сути, речевая деятельность понимается здесь как процесс, включенный в определенный вид ментальной деятельности членов социума [Бахтин 2000].

3. Некоторые стилистико-речевые особенности массмедийного интерактивного сверхтекста. Массмедийное интерактивное общение, представленное прежде всего теле- и радиодискуссиями на общественно-политические темы, постами и комментариями в блогах, реализует главным образом политическую деятельность и воплощает массовое политическое сознание в форме мнений и настроений [Ольшанский 2002].

Субъект речи, выражая свое мнение по актуальным политическим вопросам, как правило, аргументирует его. Интерактивное общение представляет собой в данном случае целостную совокупность рассуждений, включающую повествовательные и описательные фрагменты. Продуктом речевой деятельности становится сверхтекст — «совокупность высказываний, текстов, ограниченная темпорально и локально, объединенная содержательно и ситуативно, характеризующаяся целевой модальной установкой, достаточно определенными позициями адресанта

и адресата, с особыми критериями нормального/анормального» [Купина, Битенская 1994].

3.1. Телевизионное ток-шоу как аргументативный сверттекст. Обсуждение политических событий в эфире телепередачи, как правило, происходит в соответствии с замыслом ведущего. Во вступительном слове, предваряющем выступления гостей в студии, ведущий так или иначе обозначает основной тезис, задающий тему дискуссии. Во многих случаях содержание тезиса выражается не прямо, а косвенными речевыми средствами, нередко вопросительным предложением, восприятие которого определяется контекстом и ситуативной пресуппозицией.

Вот, например, начало программы «Право голоса» («НАТО: саммит разногласий», 11.07.2018): *Это программа «Право голоса», и я, ее ведущий Роман Бабаян. Здравствуйте! В Брюсселе проходит саммит НАТО, при этом в Евросоюзе говорят о необходимости сдерживать Россию. Американцы настаивают на том, что европейцы теперь за свою безопасность должны платить больше. Станут ли такие разногласия началом конца альянса и угрожает ли НАТО России сегодня?*

Казалось бы, ведущий лишь информирует телезрителей об актуальном политическом событии и формулирует вопрос для обсуждения. В действительности же он одновременно заявляет свою позицию (тезис). В самом деле, предлагаемый вопрос с учетом контекста и знаний адресата о политической ситуации равнозначен утверждению о том, что разногласия между западными странами могут стать началом конца альянса, пытающегося «сдерживать» Россию.

В дальнейшем ведущий, поочередно приглашая к разговору гостей передачи (политологов и журналистов), целенаправленно акцентирует мысль о противоречиях внутри НАТО (*Ну как может этот блок сохраниться, если разные стороны настаивают на изменении определенных правил игры? <...> НАТО может в принципе существовать при всех вот этих противоречиях?*) и напоминает о недружественной политике этой организации по отношению к России (*...увеличение расходов... разворачивание дополнительных группировок... Насколько это реально опасно и как можем ответить?*). Этим он побуждает собеседников поддерживать или же опровергать заявленный тезис. В результате сверттекст развертывается как своего рода коллективное макрорассуждение с двусторонней аргументацией. Ведущий, определяя последовательность выступлений экспертов, каждое из которых выражает личную точку зрения говорящего, корректируя вопросами тематику выступлений, делая попутные замечания, постепенно подготавливает итоговое обобщение, совпадающее по содержанию с исходным тезисом (*...есть определенные опасности... Что касается НАТО, противоречий огромное количество...*).

Главная цель ведущего — убедить телезрителей в обоснованности такого понимания происходящих событий, т.е. оказать влияние на общественное сознание. Содержание передачи подтверждает, конкретизирует и развивает преобладающее в общественном мнении представление о НАТО как военно-политической организации, защищающей и продвигающей интересы США на международной арене [ВЦИОМ 2012]. Существенно при этом, что телевизионная аудитория не является пассивным объектом воздействия. Слушающий, как отмечал М. М. Бахтин, занимает по отношению к речи любого собеседника «активную ответную позицию: соглашается или не соглашается с ней (полностью или частично)... и эта ответная позиция слушающего формируется на протяжении всего процесса слушания

и понимания с самого его начала» [Бахтин 1979: 246]. Учитывая это, ведущий привлекает зрителей к участию в разговоре (...я хочу напомнить, что сейчас в нашей программе могут принять участие и наши зрители...), стимулируя тем самым формирование их мнения по обсуждаемой политической теме.

3.2. Стилистико-речевые средства и способы убеждения. Рассмотрим на конкретных примерах, какими способами и средствами реализуется в аргументативном сверхтексте коммуникативная установка на убеждение адресата в истинности утверждений, формулируемых выступающим в ходе обсуждения политических событий, в обоснованности интерпретаций обсуждаемых событий и их оценок. Наиболее существенными в этом плане, очевидно, следует считать речевые единицы, отражающие диалогичность речи, в первую очередь формы диалога как такового.

Характерно, что если в газетно-публицистической речи преобладают диалогические циклы (вопрос — ответ, сообщение — оценка, сообщение — побуждение к действию), в которых одна из смысловых позиций лишь подразумевается [Дускаева 2012], то в устном публичном споре, напротив, обычно эксплицитно выражены оба элемента цикла.

Из присущих медийной речи форм и разновидностей диалогичности [Дускаева 2012; 2018] в устном непосредственном общении, естественно, чаще всего реализуется форма «Я — Ты»: *Игорь, вот такой вопрос...; Роман, я напомню...* Главным адресатом высказываний при этом являются телезрители, поэтому указанная форма изменяется здесь в «Я — Ты — Вы (аудитория)». Для установления контакта с собеседником и привлечения внимания к высказыванию, кроме обращений (нередко в дополнение к ним), используются формы 2-го лица глаголов *слушай(те)*, *смотри(те)*: *Слушайте, а взбунтоваться кто-нибудь не может там, в НАТО?; Смотрите, Трамп практически вскрыл нарыв...* Близки к контактоустанавливающей функции речевая семантика и коммуникативная нагрузка глаголов *знать*, *понимать* в позиции вводных слов: *Вы знаете, я думаю в этой связи...; Тут, понимаете, она поменяла свою позицию.* Контакт с собеседником нередко поддерживается и краткими репликами-реакциями (*так, да-да-да*) или повторяющимся утвердительным кивком головой.

В обстановке спора повышается активность использования всего комплекса эмфатических средств: логического ударения, инверсий, повторов, вопросно-ответных единств, лексико-семантических средств усиления и выделения фрагментов высказывания, наречий меры и степени, усилительных частиц, а также жестов, свидетельствующих о важности сообщаемой информации.

Рассмотрим начальный фрагмент дискуссии.

Роман Бабаян: *В нашей программе право голоса имеет каждый. Предлагаю первым воспользоваться этим правом Сергею Станкевичу... Смотрите* [субъект речи привлекает внимание к последующему сообщению], *немецкая пресса вообще* [экспрессивно-смысловое усиление с помощью частицы] *этот саммит называет — внимание* [лексико-семантический акцент, усиленный паузами, характерными для вставной конструкции] — *«танцем на действующем вулкане»* [речевая метафора, экспрессивная сама по себе, выделена еще интонационно]. ... *Чего* [жестовое ударение на этом местоимении] *они опасаются? <...>*

Сергей Станкевич: *Они опасаются того, что Трамп использует все* [местоимение выделено логическим ударением] *имеющиеся инструменты, они пока довольно*

значительные [логическое ударение на прилагательном] у *Соединенных Штатов Америки, чтобы сохранить Европу в режиме зависимого развития* [емкое в смысловом отношении словосочетание «режим зависимого развития» выделено небольшим замедлением темпа речи].

Роман Бабаян: *Режим зависимого развития, хорошо*. [Повторение этого словосочетания сначала ведущим, а затем и выступающим усиливает его коммуникативную значимость.]

Сергей Станкевич: *Режим зависимого развития, да*.

Тройным повтором в составе небольшого по объему сверхфразового единства выделяется и концептуально значимый в контексте дискуссии глагол «суверенизироваться»: *Европа экономически крепнет и суверенизируется* [глагол акцентирован подчеркнуто четким его произношением], *что самое страшное* [превосходная степень прилагательного выполняет усилительную функцию] для *Соединенных Штатов Америки. Не только экономически суверенизируется..., но и оборонно суверенизируется* [предшествующие глаголу «суверенизироваться» наречия «экономически» и «оборонно» выделены соединительно-градационным союзом «не только, но и» и усилены логическим ударением].

Используются субъектом речи и диалогические единства (своего рода имитации диалога, когда говорящий, как бы прогнозируя и предвосхищая возможный вопрос собеседника, формулирует его и сам же дает ответ): *Значит, сейчас что [местоимение выделено логическим ударением] происходит? Угрозы со стороны коммунистического блока нет...; [Вы спросите] Европейцев эта ситуация устраивала почему?* [Вопросительное предложение, направляющее внимание слушающего на последующее сообщение, строится с инверсией, акцентирующей местоименное наречие «почему» (акцент достигается переносом этого слова из начальной позиции в конечную и логическим ударением)]. *Потому что Соединенные Штаты Америки тратят там порядка 70 %...*

Широко представлена и форма диалогичности вида «Я — Он (Они) — Вы (телезрители)», реализующаяся с использованием чужой речи, прямой или косвенной; ср.: *Генсек НАТО Йенс Столтенберг... заявляет: «Европейские союзники НАТО вместе с Канадой могут дополнительно инвестировать...»; Наш президент уже двадцать раз говорил, что вы вне нашей зоны влияния. Иногда говорящий в расчете не столько на собеседника, сколько на аудиторию передает содержание чужой речи в собственно разговорной манере, как бы имитирующей речь третьего лица: «Но лучше, — говорят они [представители некоторых западных стран], — ...лучше эти деньги давайте мы потратим на собственную армию, потому что посмотрите, на что похожа наша армия, там того нет, другого нет, двадцатого нет, это не армия, просто смех какой-то».* Заметим в этой связи, что влияние разговорной речи на публицистическую в интерактивной массовой коммуникации оказывается особенно сильным.

Для этого вида общения, как и в целом для публицистической сферы, отвлеченная (теоретическая) аргументация нехарактерна. Те или иные утверждения регулярно обосновываются путем ссылки на опыт. В речи выступающих распространены разного рода *примеры (иллюстрации)*, цель которых в одних случаях — быть доводом в поддержку того или иного общего положения, в других — облегчить понимание некоторого общего положения (попутно привлекая внимание собеседни-

ков). Игорь Морозов: *Простой пример. В этом году Бельгия попыталась закупить Ф-35-е на смену своим Ф-16-м. Без тендера. Так Франция тут же заявила протест и... договоренности... были отменены.* После этих слов делается обобщение (*Идет мощнейшая борьба за рынок*), которое призвано обосновать мысль о том, что противоречия между странами НАТО по финансированию блока и закупке вооружений не могут быть преодолены на обсуждаемом в передаче саммите.

В рассматриваемой нами передаче польский журналист Я. Корейба так иллюстрирует мысль о контроле США над странами Европы: *в Италии есть такое явление, что там взрослые люди живут с родителями. Сорокалетние мужчины живут с папой и мамой. Так же живет вся Западная Европа уже лет семьдесят.* В понимании польского политолога европейские страны находятся в положении взрослых детей.

Другая иллюстрация Я. Корейбы призвана объяснить суть торговых отношений между США и их партнерами по альянсу: *Трамп смотрит на НАТО... как на клиентов. У всех стран в НАТО есть свои карточки, как в Ашане... Каждая покупка вооружения в США — это для нас баллы, мы их накапливаем, и с каждой следующей покупкой наша ценность как клиентов в глазах США повышается.* Эту аналогию развивает Г. Мирзаян, иллюстрируя мысль о нерациональности выплаты европейскими странами увеличенного взноса в бюджет НАТО: *Польшу нужно платить 2 % для того, чтобы получить от американцев новый вид карточки, перейти с серебряной на золотую. Бонусов эта карточка реально не дает никаких: она просто более симпатичная, она более статусная, и она больше привязывает вас к этому магазину, который не факт, что лучше магазина соседа.*

Следует обратить внимание еще на одну разновидность аргументативной речи, весьма популярную во все времена, а в наш век особенно, — рассуждения-софизмы. Участники политических дискуссий осознают, конечно, что для эффективного воздействия на адресата они не могут ограничиваться лишь эмоционально-экспрессивной линией речевого поведения и стремятся любые свои суждения и оценки обосновать рационально. Поэтому и голословные суждения, надуманные интерпретации, произвольные оценки, как правило, маскируются включением их в аргументативный контекст.

Отметим, что одним из основных факторов, обуславливающих своеобразие изучаемой разновидности речи, является ее референтное содержание, соотносимость с различными аспектами рассмотрения каких-либо политических событий. Участники полилога, обсуждая эти события, анализируют их причины, следствия, интерпретируют мотивы, цели, интересы политических акторов, делают прогнозы, дают рекомендации, выражая при этом свое отношение к происходящему. Круг задач этой аналитической деятельности экспертов отражен в вопросах ведущего: о причинах чего-л. (*Почему все боятся, как поведет себя Трамп на встрече с европейцами?*), о возможных следствиях (*К чему это может привести?*), о целях (*Зачем вообще вам нужно платить такие бешеные деньги?*), о вероятном развитии событий (*Договориться удастся?*), о предполагаемых собственных действиях (*Как мы можем ответить?*) и др.

Осмысление сути политических событий предполагает прежде всего интерпретацию потребностей, целей, намерений, интересов актора. Отсюда широкое употребление предложений с различными модальными глаголами: *Они хотят*

выжать из Европы и других союзников максимально; Мы хотим достичь такого же уровня; Трамп пытается капитализировать рейтинг Америки; Он пытается использовать все инструменты; ...они сейчас собираются заниматься своей безопасностью сами и т.п. Столь же регулярно предикат выражен кратким прилагательным с модальным значением или предикативным наречием (в сочетании с инфинитивом): США в Европе нужны... для сдерживания Германии; Они [европейцы] нужны, если управляемы; Россия и Китай вместе готовы противодействовать американским планам; Ей необходимо найти гибкую линию; Для Трампа вообще очень выгодно заставить европейцев платить больше и т.п.

Интерпретируя текущие события, субъект речи использует преимущественно глагольные формы настоящего времени несовершенного вида: *Меняется соотношение сил в мире; Идет мощнейшая борьба за этот рынок*, — часто с конативной (выражающей усилие, стремление) модальностью: *Трамп модернизирует НАТО под нужды Америки; Внешняя политики Америки делает упор на силу и угрозу силой*. В тех же текстовых фрагментах, где содержится прогноз политической обстановки, закономерно появляются формы будущего времени: *Если альянс развалится... всколыхнется вся Восточная Европа. Поляки вспомнят о Речи Посполитой, будут ее собирать, румыны пойдут против венгров в вопросах Трансильвании; Если НАТО распадется, Франция и Испания в западной Сахаре вцепятся друг в друга*.

Содержательная специфика рассуждения в массмедийном дискурсе определяет и многие синтаксические особенности соответствующих текстовых структур. В частности, реализация установки на раскрытие причинно-следственных связей между событиями приводит к активному использованию союзов и союзных аналогов соответствующей семантики, конструкций с каузальными лексемами (*причина, повод, цель, условие* и т.п.). Заметим, однако, что в ситуации живого диалога, где чрезвычайно активны сверхсегментные и паралингвистические средства выражения смыслов, весьма частотны и паратактические конструкции (как предложения, так и сверхфразовые единства), тем более что часто логико-смысловые отношения между смежными высказываниями однозначно подсказываются их содержанием.

4. Сокращение аргументативных практик в сетевом общении. Обсуждение политических событий в Интернете посредством комментариев к постам, информационным заметкам, статьям, эфирам создает во многом иную речевую организацию. Объясняется это целым рядом факторов, определяющих процесс коммуникации в Сети. К важнейшим из них относятся цель речевого взаимодействия (нередко неблагоприятная, базирующаяся на антиценностях, как, например, в случаях, когда в тексте проявляются агрессивность, враждебность), в среднем более низкий уровень знаний и общей культуры участников спора, их относительная анонимность, отсутствие непосредственного контакта (лицом к лицу), письменная форма общения (реализующая, однако, навыки как письменной, так и устной речи), трансформированные нормы этически приемлемого, допустимого. Кратко рассмотрим особенности речевого общения в Сети, обнаруживающие ослабление его аргументативности.

Анализ материала показывает, что если в телестудии тематика отдельных выступлений корректируется ведущим в соответствии с замыслом программы и так или иначе соотносена с заявленной во вступительном слове смысловой позицией (тезисом), то в Сети высказывания отдельных пользователей могут быть ответом

(в ряде случаев ассоциативной реакцией) на самые разные утверждения исходного текста, в том числе периферийные, не образующие его основного содержания [Васильева, Салимовский 2011]. Тем самым логические связи между ключевой мыслью автора поста и высказываниями участников обсуждения зачастую внешне выражены слабо или скрыты.

В то время как эксперты, приглашенные на телепередачу, не только доносят до массового адресата свою точку зрения, но и обязательно аргументируют ее, пользователи Сети чаще всего ограничиваются эмоциональными высказываниями, выражающими их отношение к происходящему (часто в виде «стеба»): *Беда. И для США, и для всего мира. Абсолютно непредсказуем [о Трампе]; Планетарный клоун! Сам себе яму копает; Такого позора Америка никогда еще не испытывала за всю свою историю!; Я б [на месте Трампа со стран НАТО] потребовал 20 %, чтоб служба медом не казалась... гыгыгыгы.* Связанное с анонимностью высказываний ощущение свободы от ограничений и регламентации [Кузнецова, Чудова 2008] проявляется в частом нарушении этических норм, что в этой коммуникативной среде не считается недопустимым. Можно сказать, что выступления журналистов и экспертов формируют общественное мнение, создаваемое — при всей эмотивности их речи — преимущественно рациональными суждениями и оценками, тогда как в интернет-комментариях воплощаются главным образом массовые и групповые настроения, образуемые прежде всего эмоциями, экспрессивными оценками, волевыми импульсами: *Рэкетир и вымогатель!; Действительно, стадо...; Правильно!!! Пусть разорит!!!*

Нужно, однако, отметить, что в сетевом общении представлена и другая манера коммуникативного поведения. Часть пользователей придерживается общепринятых норм культурного взаимодействия с собеседниками. В этом случае комментарии конкретизируют содержание исходного текста фактами, примерами и включают в себе анализ (часто наивный) политических событий — мотивов и целей чьих-либо действий (*Он им мстит за поддержку Хиллари*), причин происходящего (*Трамп пытается избавиться от потребителей*), возможных следствий (*Если в Польше появятся базы с ядерным оружием, то не США будут под прицелом, а поляки*). Такие комментарии, в отличие от выступлений участников политических телевизионных программ, чаще всего не имеют четкого логико-композиционного строения, поскольку их авторы не обладают достаточными навыками структурирования текста, в том числе использования средств связи высказываний, а также смыслового выделения тех или иных фрагментов речи.

Еще одна важная особенность интернет-комментариев заключается в том, что в них, наряду с информационно-воздействующей функцией, общей для текстов массмедиа, реализуется функция самовыражения и самопрезентации [Кузнецова, Чудова 2008]. Она проявляется в стремлении к креативности при порождении текста, достигаемой использованием различных стилистических приемов (чаще всего сравнения и каламбура): *Когда возникла ситуация безвластия, Крым, как лещ, поднырнул под тетиву невода — и ушел; Если Украина войдет в НАТО, Россия войдет в Украину, — иногда в демонстрировании своей эрудиции, действительной или мнимой: Как-то забыли вы (или не знаете)... в 1996 г. в ответ на попытки сохранить Косово и Метохию в составе единого государства... создали армию и начали настоящую войну. Пик противостояния пришелся на 1998–1999 г. НАТО приняло*

решение принудить Сербию к миру в сентябре 1998 г., а бомбить — в марте следующего...

Подчеркнем, что характерное для сетевого общения ослабление аргументативности объясняется не столько недостатком у пользователей необходимых навыков публичного спора, сколько главной целеустановкой речевого взаимодействия. Если в политической телепередаче цель выступающего состоит в убедительном обосновании своей позиции, противопоставленной точке зрения оппонента (сам формат телевизионного шоу предполагает выражение разных мнений при несомненном преимуществе позиции, поддерживаемой массовой аудиторией и ведущим), и тем самым во влиянии на общественное мнение, то в Сети коммуниканты стремятся не столько обосновать свою правоту, сколько устранить другую точку зрения и сплотиться на основе общей позиции, соответствующей их интересам. Наиболее эффективным способом решения этой задачи является дискредитация оппонента, коллективное эмоциональное отрицание или игнорирование его суждений, а не их содержательное опровержение.

5. Заключительные замечания. Рассмотрение рассуждения с логико-грамматических позиций, позволившее выделить его семантические разновидности, описать лексические и грамматические средства выражения каузальной связи, типичную композицию, оказалось недостаточным для адекватной характеристики тех сторон речевой организации этого функционального типа речи, которые определяются воплощенной в нем речемыслительной деятельностью, реализуемой в разных сферах и ситуациях общения. В последние десятилетия подтверждает свою плодотворность комплексный подход к исследованию аргументативной речи, опирающийся на понятийный аппарат как грамматики текста (сверхфразового единства), так и функциональной стилистики, лингвопрагматики, неориторики.

В массмедийной политической коммуникации возрастает роль ток-шоу, являющихся эффективным способом воздействия на массовое сознание, и социальных сетей. Как показал анализ, политический спор в телевизионном эфире представляет собой сверхтекст, реализующий форму своеобразного коллективного рассуждения: в кратком вступительном слове ведущий заявляет смысловую позицию (тезис), соответствующую взглядам массового адресата, после чего гости передачи (журналисты, политологи) поддерживают и развивают или же опровергают ее. В заключительной части эфира основная мысль повторяется ведущим как уже обоснованная самим ходом дискуссии. Речевая организация отдельных выступлений в значительной мере обусловлена познавательно-коммуникативными целеустановками субъекта — его стремлением убедить аудиторию в обоснованности предлагаемой интерпретации политического события: мотивов, целей, интересов политических акторов, причин и следствий происходящего и др.

В социальных медиа наблюдается сокращение аргументативных практик по сравнению с ток-шоу. Пользователи Интернета в большинстве случаев стремятся не к содержательному обоснованию или опровержению тех или иных мыслей, а к экспрессивному выражению своей позиции, ожидая ее поддержки другими участниками обсуждения, имеющими близкие политические взгляды. В комментариях политического сектора Интернета выражаются главным образом ситуативные групповые настроения, основывающиеся на эмоциональном отношении к конкретным событиям.

Литература

- Бахтин, М. М. (1979). *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство.
- Бахтин, М. М. (2000). *Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. Марксизм и философия языка. Статьи*. Москва: Лабиринт.
- Березин, Ф. М., Головин, Б. Н. (1979). *Общее языкознание*. Москва: Просвещение.
- Васильева, В. В., Салимовский, В. А. (2011). О механизме продуцирования массмедийного политического текста. В *Мысль. Текст. Стиль* (с. 43–51). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский гос. ун-т.
- Виноградов, В. В. (1963). *Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика*. Москва: АН СССР.
- ВЦИОМ. Россия и НАТО сегодня. № 1936, 25 января 2012 [Web-страница]. (2012). Электронный ресурс <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1477>.
- Гавранек, Б. (1967). Задачи литературного языка и его культура. В *Пражский лингвистический кружок* (с. 338–377). Москва: Прогресс.
- Гиндин, С. И. (1977). Советская лингвистика текста: некоторые проблемы и результаты (1948–1971). *Известия АН СССР. Сер. лит. и яз.*, 36(4), 348–361.
- Головин, Б. Н. (1988). *Основы культуры речи*. Москва: Высшая школа.
- Дускаева, Л. Р. (2012). *Диалогическая природа газетных речевых жанров*. Санкт-Петербург: Издательство СПбГУ.
- Дускаева, Л. Р. (2018). Диалогичность. В *Медиалингвистика в терминах и понятиях* (с. 32–38). Москва: Флинта.
- Золотова, Г. А. (2007). *Коммуникативные аспекты русского синтаксиса*. Москва: КомКнига.
- Ивин, А. А. (1997). *Основы теории аргументации*. Москва: ВЛАДОС.
- Исмаилова, Ж. А. (1990). *Семантическое взаимодействие видо-временных форм глагола с типами текста*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- Кожина, М. Н. (1968). *К основаниям функциональной стилистики*. Пермь: Перм. ун-т.
- Кожина, М. Н. (2014). *Речеведение. Теория функциональной стилистики: избранные труды*. Москва: ФЛИНТА; Наука.
- Кожина, М. Н., Кыркунова, Л. Г. (1988). О связи функционально-смысловых типов речи со спецификой функциональных стилей. В *Слово в различных сферах речи* (с. 17–45). Волгоград: ВГПИ.
- Коньков, В. И., Неупокоева, О. В. (2011). *Функциональные типы речи*. Москва: Академия.
- Косериу, Э. (1963). Синхрония, диахрония и история. *Новое в лингвистике*, 3, 143–343. Москва: Изд-во иностранной литературы.
- Кузнецова, Ю. М., Чудова, Н. В. (2008). *Психология жителей Интернета*. Москва: Изд-во ЛКИ.
- Купина, Н. А., Битенская, Г. В. (1994). Сверхтекст и его разновидности. В *Человек. Текст. Культура* (с. 214–235). Екатеринбург: Ин-т развития регионального образования.
- Купина, Н. А., Матвеева, Т. В. (1993). От культуры речи к новой русской риторике. *Вопросы стилистики*, 25, 45–54. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та.
- Купина, Н. А., Матвеева, Т. В. (2013). *Стилистика современного русского языка*. Москва: Юрайт.
- Нечаева, О. А. (1974). *Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение)*. Улан-Удэ: Бурятское книжное изд-во.
- Одинцов, В. В. (2004). *Стилистика текста*. Москва: УРСС.
- Ольшанский, Д. В. (2002). *Политическая психология*. Санкт-Петербург: Питер.
- Сидоров, В. Е. (1987). *Проблемы речевой системности*. Москва: Наука.
- Солганик, Г. Я. (1991). *Синтаксическая стилистика*. Москва: Высшая школа.
- Солнцев, В. М. (1971). *Язык как системно-структурное образование*. Москва: Наука.
- Трошева, Т. Б. (1999). *Формирование рассуждения в процессе развития научного стиля русского литературного языка XVIII–XX вв. (сопоставительно с другими функциональными разновидностями)*. Пермь: Изд-во Перм. ун-та.
- Трошева, Т. Б. (2006). Функционально-смысловые типы речи. В *Стилистический энциклопедический словарь русского языка* (с. 577–580). Москва: Флинта: Наука.
- Цветкова, Т. М. (1983). *Конституирующие факторы текста «рассуждение» в научном стиле*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва.
- Eemeren, F. H. van, Grootendorst, R. (2004). *A systematic theory of argumentation. The pragma-dialectical approach*. Cambridge University Press.
- Goldberg, J. A. (1990). Interrupting the discourse on interruptions. An analysis in terms of relationally neutral, power- and rapport-oriented acts. *Journal of Pragmatics*, 14(6), 883–903.
- Hirsch, R. (1989). *Argumentation, Information, and Interaction: Studies in Face-to-face Interactive Argumentation Under Different Turn-Taking Conditions*. Göteborg: University of Gothenburg.

- Pluwak, A. (2011). *The Linguistic Aspect of Strategic Framing in Modern Political Campaigns. Cognitive Studies*. Warsaw: SOW.
- Schiffirin, D. (1994). *Approaches to discourse*. Cambridge, MA; Oxford: Blackwell.
- Wohlrapp, H. (2008). *Der Begriff des Arguments. Über die Beziehungen zwischen Wissen, Forschen, Glaube, Subjektivität und Vernunft*. Würzburg: Springer.

Статья поступила в редакцию 10 февраля 2019 г.;
рекомендована в печать 24 февраля 2019 г.

Контактная информация:

Волкова Юлия Сергеевна — аспирант; yu.wlkw@gmail.com
Мишланов Валерий Александрович — д-р филол. наук, проф.; mishl@psu.ru
Салимовский Владимир Александрович — д-р филол. наук, проф.; salimovsky@rambler.ru

Argumentative speech in mass media interactive communication

Iu. S. Volkova, V. A. Mishlanov, V. A. Salimovskii

Perm State National Research University,
15, ul. Bukireva, Perm, 614068, Russian Federation

For citation: Volkova, Iu. S., Mishlanov, V. A., Salimovskii, V. A. (2019). Argumentative speech in mass media interactive communication. *Media Linguistics*, 6(2), 164–179.
<https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.202> (In Russian)

The article deals with features of argumentative speech in television political talk shows, which have become one of the most important means of forming public opinion, as well as in social media, the role of which in the system of mass communication continues to increase. We conducted a review of studies on reasoning, one of the main functional and semantic types of speech. According to the broad interpretation, the reasoning is an argumentative speech that is designed to convince the addressee of something. This implies that the analysis of speech structures considers not only logical and grammatical aspects but also functional and communicative aspects. After reviewing the main issues on the verbal interaction study particularly in linguostylistics and neo-rhetoric (theory of argumentation), we highlighted the fundamental nature of the stylistic-speech system. The latter is defined as interconnections of different language units which perform a common communicative task. This system allows describing the variability of speech depending on the changing communicative purposes and other parameters of the communicative situation. Each issue of the television political talk show is considered as a supertext that is specific reasoning. A moderator formulates its main idea (thesis) in a brief introductory speech and repeats it as a result of the discussion (conclusion) in the final part of the broadcast, while the speeches of the guests — journalists and political scientists — represent a bilateral argument (for and against). We studied speech units that are regularly encountered in these television programs, such as forms of dialogicity, methods of statement substantiation, as well as actual language means used by the speaker in the analysis of the political situation. We also described a complex of verbal and non-verbal means of accentuation of meaningful text components. While the participants of television political programs necessarily reason their point of view, Internet users often demonstrate their attitude to the events under discussion via emotional statements. In our opinion, the reduction of argumentative practices in network communication is due to the fact that, unlike political talk shows, which form the main trends in public opinion, social media express mainly situational group mood based on the emotional attitude to events.

Keywords: mass media communication, stylistic-speech system, argumentative speech, reasoning, social media.

References

- Bakhtin, M. M. (1979). *The Aesthetics of Verbal Creation*. Moscow: Iskusstvo. (In Russian)
- Bakhtin, M. M. (2000). *Freudianism. The Formal Method in Literary Scholarship. Marxism and the Philosophy of Language. Articles*. Moscow: Labirint. (In Russian)
- Berezin, F. M., Golovin, B. N. (1979). *General linguistics*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2012). *Dialogical nature of the newspaper speech genres*. Saint-Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. (In Russian)
- Duskaeva, L. R. (2018). Dialogue. *Medialingvistika v terminakh i poniatiakh* (pp. 32–38). Moscow: Flinta. (In Russian)
- Eemeran, F. N. van, Grootendorst, R. (2004). *A systematic theory of argumentation. The pragma-dialectical approach*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Gavranek, B. (1967). Tasks of the Literary Language and Its Culture. In *Prazhskii lingvisticheskii krugozor* (pp. 338–377). Moscow: Progress. (In Russian)
- Gindin, S. I. (1977). Soviet text linguistics: some problems and results (1948–1971). *Izvestia AN SSSR. Ser. lit. i iaz.*, 36(4), 348–361. (In Russian)
- Goldberg, J. A. (1990). Interrupting the discourse on interruptions. An analysis in terms of relationally neutral, power- and rapport-oriented acts. *Journal of Pragmatics*, 14(6), 883–903.
- Golovin, B. N. (1988). *Basics of speech culture*. Moscow: Vysshiaia shkola. (In Russian)
- Hirsch, R. (1989). *Argumentation, Information, and Interaction: Studies in Face-to-face Interactive Argumentation Under Different Turn-Taking Conditions*. Göteborg: University of Gothenburg.
- Ismailova, Zh. A. (1990). *Semantic interaction of specific tense forms of the verb with text types*. PhD thesis abstract. Leningrad. (In Russian)
- Ivin, A. A. (1997). *Fundamentals of Argumentation Theory*. Moscow: VLADOS. (In Russian)
- Kon'kov, V. I., Neupokoeva, O. V. (2011). *Functional types of speech*. Moscow: Akademiia. (In Russian)
- Koseriu, E. (1963). Synchrony, Diachrony and History. *Novoe v lingvistike*, 3, 143–343. Moscow: Izd-vo inostrannoi literatury. (In Russian)
- Kozhina, M. N. (1968). *The foundations of functional stylistics. Permian*. Perm: Perm State University Publishing House. (In Russian)
- Kozhina, M. N. (2014). *Speech Studies. Theory of Functional Stylistics: Selected Works*. Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)
- Kozhina, M. N., Kyrkunova, L. G. (1988). On the connection of functional-semantic types of speech with the specifics of functional styles. In *Slovo v razlichnykh sferakh rechi* (pp. 17–45). Volgograd: VGPI. (In Russian)
- Kupina, N. A., Bitenskaia, G. V. (1994). Supertext and his versions. In *Chelovek. Tekst. Kul'tura* (pp. 214–235). Ekaterinburg: In-t razvitiia regional'nogo obrazovaniia. (In Russian)
- Kupina, N. A., Matveeva, T. V. (1993). From the speech culture to the new Russian rhetoric. *Voprosy stilistiki*, 25, 45–54. Saratov. (In Russian)
- Kupina, N. A., Matveeva, T. V. (2013). *Stylistics of modern Russian language*. Moscow: Iurait. (In Russian)
- Kuznetsova, Iu. M., Chudova, N. V. (2008). *The psychology of the Internet's inhabitants*. Moscow: LKI. (In Russian)
- Nechaeva, O. A. (1974). *Functional-semantic types of speech (description, narration, reasoning)*. Ulan-Ude: Buriatskoe knizhnoe izd-vo. (In Russian)
- Odintsov, V. V. (2004). *Stylistics of the text*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Ol'shanskii, D. V. (2002). *Political Psychology*. Saint-Petersburg: Piter. (In Russian)
- Pluwak, A. (2011) *The Linguistic Aspect of Strategic Framing in Modern Political Campaigns. Cognitive Studies*. Warsaw: SOW.
- Schiffrin, D. (1994). *Approaches to discourse*. Cambridge, MA; Oxford: Blackwell.
- Sidorov, V. E. (1987). *Problems of Speech System*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Solganik, G. Ia. (1991). *Syntactic stylistic*. Moscow: Vysshiaia shkola. (In Russian)
- Solntsev, V. M. (1971). *Language as a systemic and structural entity*. Moscow: Nauka. (In Russian)
- Trosheva, T. B. (1999). *The formation of reasoning in the development of the scientific style of the Russian literary language of XVIII–XX centuries (comparatively with other functional styles)*. Perm': Perm State University Publishing House. (In Russian)
- Trosheva, T. B. (2006). Functional-semantic types of speech. In *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* (pp. 577–580). Moscow: Flinta; Nauka. (In Russian)
- Tsvetkova, T. M. (1983). *Constitutive factors of the reasoning texts in a scientific style*. PhD thesis abstract. Moscow. (In Russian)

- Vasileva, V. V., Salimovskii, V. A. (2011). On the mechanism of the production of mass-mediated political texts. In *Mysl'. Tekst. Stil'* (pp. 43–51). Saint-Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House. (In Russian)
- VCIOM. Russia and NATO today. No. 1936, January 25, 2012 [Web page]. (2012). Retrieved from <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=1477>. (In Russian)
- Vinogradov, V.V. (1963). *Stylistics. Theory of Poetic Speech. Poetics*. Moscow: Academy of Sciences of the USSR Publishing House. (In Russian)
- Wohlrapp, H. (2008). *Der Begriff des Arguments. Über die Beziehungen zwischen Wissen, Forschen, Glaube, Subjektivität und Vernunft*. Würzburg: Springer.
- Zolotova, G. A. (2007). *Communicative aspects of Russian syntax*. Moscow: KomKniga. (In Russian)

Received: February 10, 2019

Accepted: February 24, 2019

Author's information:

Iuliia S. Volkova — postgraduate; yu.wlkw@gmail.com

Valerii A. Mishlanov — Dr. Sci. in Philology, Professor; mishl@psu.ru

Vladimir A. Salimovskii — Dr. Sci. in Philology, Professor; salimovsky@rambler.ru